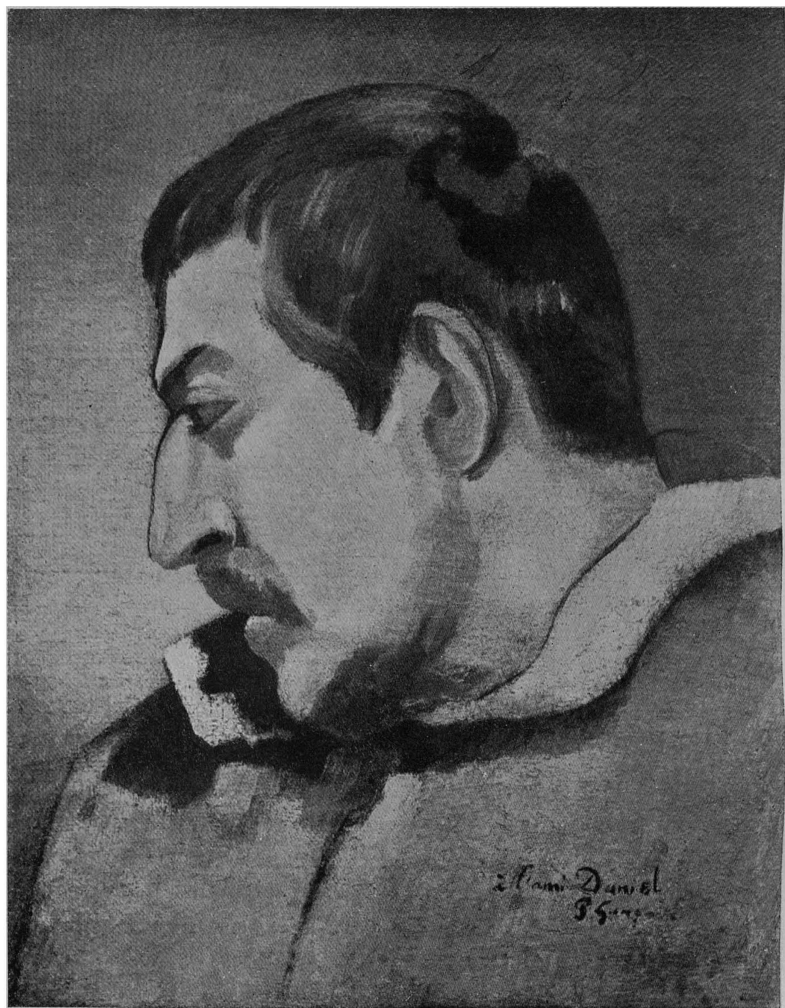

П. Гогэнь.

Автопортретъ.

ПОЛЬ ГОГЭНЪ.

О, умчаться туда, гдѣ, наконецъ, достаточно мѣста, достаточно воздуха!

Быть вольнымъ отъ прежнихъ цѣпей и условностей!

Найти неожиданно лучшее, что есть въ Природѣ, и имъ наслаждаться небрежно!

Почувствовать ясно, что нынче или когда бы то ни было я доволенъ собой, я доволенъ...

У. Уитманъ.

Исполнилось десять лѣтъ со дня смерти замѣчательнаго французскаго художника Поля Гогэна—одиокой, загадочной смерти въ добровольномъ изгнаніи вдали отъ Европы, на славномъ посту Красоты. И однако, даже на родинѣ Гогэна далеко еще не исправлена та несправедливость по отношенію къ нему, которая тяготѣла надъ нимъ въ теченіе всей его жизни, далеко еще не учтена его крупная роль въ развитіи современнаго искусства и эстетическаго сознанія. Объясняется это отчасти тѣмъ, что произведенія Гогэна до сихъ поръ замкнуты въ частныхъ коллекціяхъ и лишь изрѣдка показываются молодому поколѣнію художниковъ, а отчасти—наличностью въ его творествѣ нѣкоего идеологическаго элемента, который отталкиваетъ поверхностныхъ французскихъ эстетовъ. Но эта своеобразная Гогэновская идеологія дѣла-

еть еще болѣе интереснымъ его искусство. Можно такъ или иначе относиться къ нео-ахраизму въ современномъ художествѣ, но не слѣдуетъ забывать того, что Гогэнъ былъ однимъ изъ его первыхъ пророковъ и жертвъ. И если о Гогэнѣ мало говорятъ въ настоящее время въ Парижѣ, то это не потому, что онъ устарѣлъ, а потому, что онъ сталъ классикомъ того теченія, эпигоны и вульгаризаторы котораго забыли свое родство...

Въ наше время, когда каждый день приноситъ все новыя и новыя художественныя теоріи, особенно цѣнно вспомнить Гогэна, утвердившаго новые вкусы не только властью своего таланта, но и всей своей жертвенной жизнью. Именно въ такой послѣдовательности — жизнь и творчество, а не творчество и жизнь — долженъ быть изученъ Гогэнъ. Въ противоположность многимъ другимъ художникамъ, у которыхъ жизнь затмевается сплошнымъ праздникомъ творчества или протекаетъ въ будняхъ каждаго дня, личная судьба Гогэна органически связана съ его живописью, а живопись была для него эстетической реализаціей его жизненныхъ идеаловъ. Чтобы понять его искусство, надо знать его біографію. Правда, исторія его жизни не алѣетъ кровавыми приключеніями Бенвенутто Челлини, не пестритъ бурными политическими превратностями Гойи или Курбэ, не омрачается душевной драмой Ванъ-Гога или Врубеля. Наоборотъ, она поражаетъ закономерностью и цѣлностью описаннаго ею круга — Гогэнъ точно съ дѣтства нашелъ себя и вся его жизнь вплоть до ея досрочнаго трагическаго конца была лишь яркимъ раскрытіемъ какой-то единой, предопредѣленной миссіи. Семейная наслѣдственность, географическая среда, личный темпераментъ со всѣми его несомнѣнными недостатками — все это соединилось воедино, чтобы создать изъ Гогэна того культурнаго „дикаря“, какимъ онъ былъ. Онъ никогда не „наивничалъ“ и не „опрощался“, въ чемъ обвиняла его критика, видѣвшая въ немъ кривлявшагося „декадента“, — онъ отъ природы былъ наивенъ и простъ, подобно другому „варвару“ современности, другому проповѣднику первобытнаго Рая, — Уольту Уитману...

I.

Судьбѣ угодно было, что бы въ жилахъ Гогэна струилась двойная кровь и чтобы жизнь его протекала въ скитаніяхъ отъ Старого къ Новому Свѣту.

Отецъ художника, сотрудникъ извѣстной газеты „National“, былъ родомъ изъ Орлеана; его мать происходила изъ семьи южно-американскихъ испанцевъ, завоевателей Перу. На дядю своей матери, дона Піо Тристана, который экзальтированному воображенію Гогэна рисовался легендарнымъ „вице-королемъ Перу“—Гогэнъ былъ очень похожъ лицомъ. Бабушка его съ материнской стороны, Флора Тристанъ, рожденная въ Перу, была выдающаяся женщина, послѣдовательница Сень-Симона, писательница и агитаторша; она провела очень бурную жизнь частью въ Южной Америкѣ, частью во Франціи, защищая идеи социализма и женской эмансипаціи. Гогэнъ очень гордился своей бабушкой и ея древней испанской кровью, и возможно, что именно отъ нея унаслѣдовалъ онъ свой страстный темпераментъ, свое презрѣніе къ буржуазному благополучію и тоску по обѣтованной землѣ.

Впрочемъ, это влеченіе къ бродяжничеству этотъ Бодлэровский *gout de l'infini*, вѣчно увлекавшій Гогэна подъ новыя небеса, въ неизвѣданныя дали, навѣяны были и самими условіями его дѣтства и отрочества.

Онъ родился въ Парижѣ въ мятежные іюньскіе дни 1848 года и уже трехлѣтнимъ мальчикомъ узналъ Атлантическій и Тихій океаны — *coup d'Etat* Наполеона III заставилъ его отца эмигрировать изъ Парижа на родину матери, въ Перу. Гогэнъ-отецъ умеръ въ пути, а маленькій Поль остался съ матерью въ Лимѣ, перуанской столицѣ. Здѣсь, въ странѣ древнихъ Инковъ, въ первобытной обстановкѣ бронзоваго вѣка, среди экзотики индѣйскаго искусства, прожилъ Гогэнъ четыре года, слушая страшныя сказки няни-негритянки, иногда прислушиваясь къ гулу вулкановъ. Эти яркія перуанскія воспоминанія, эти образы тропической природы и

индѣйской фантастики, глубоко запали въ душу художника, взлѣбли его характеръ — ничто въѣдъ не впечатлѣетъ такъ, какъ видѣнія раннихъ лѣтъ.

Въ 1855 году мать Гогэна вернулась въ Орлеанъ. До этого момента семилѣтній Гогэнъ говорилъ только по-испански. Онъ былъ отданъ въ лицей, гдѣ и пробылъ до шестнадцати лѣтъ; этимъ исчерпывался запасъ тѣхъ знаній, которыя взялъ онъ у европейской культуры. Мечтою мальчика была „профессія“ моряка. И вотъ она сбылась. Въ 1865 году онъ поступилъ юнгою на коммерческое судно, объѣздивъ берега Южной Америки, видѣлъ Бразилію и знойное Ріо-де-Жанейро. Двадцати лѣтъ онъ опредѣлился въ качествѣ рулевого на военный крейсеръ, который подъ начальствомъ принца Жерома Наполеона плавалъ между Сѣвернымъ моремъ и Гренландіей. Гогэнъ узналъ то, что было такъ непохоже на южныя воспоминанія его юности — суровые берега Скандинавіи, и уже готовился увидѣть Сѣверный мысъ и Шпицбергенъ, но вспыхнувшая война 1870 г. задержала его въ Копенгагенѣ. Однако, сѣверныя красоты не запечатлѣлись въ его памяти.

Въ 1871 году Гогэнъ взялъ отпускъ и больше уже никогда не возвращался во флотъ. Онъ вернулся въ Парижъ; его жажда скитальчества, его любовь къ океану, казалось, была удовлетворена. Началась осѣдлая жизнь. Лишившись матери, Гогэнъ поступилъ на службу въ одну изъ парижскихъ мѣняльных конторъ; человѣкъ, видѣвшій безмѣрность моря, принужденъ былъ стать однимъ изъ маленькихъ винтиковъ сложнаго финансоваго механизма столицы. Затѣмъ все пошло въ обычномъ порядкѣ — матеріальная обеспеченность, женитьба (на уроженкѣ Копенгагена), дѣти, игра на биржѣ, буржуазный бытъ.

Но одно маленькое обстоятельство вторглося и нарушило эту блестящую финансовую карьеру Гогэна — знакомство съ группой художниковъ-импрессионистовъ и внезапно вспыхнувшая откуда-то изъ вулкана души любовь къ искусству. Отдѣленіе банка, въ которомъ служилъ Гогэнъ, помѣщалось на rue Laffitte, этомъ средоточіи парижскихъ картинныхъ магазиновъ, откуда буйными артері-

ями расходятся по всему свѣту новые художественные вкусы. Здѣсь въ галлерей Дюранъ Рюэлля—быть можетъ, случайно—познакомился Гогэнъ съ первыми славными героями импрессионизма: Писсарро, Манэ, Монэ, Ренуаромъ, Дега и Сезаномъ. Попалъ въ ихъ среду, захлеснулся волною ихъ интересовъ, накопилъ ихъ картинъ и, наконецъ, попробовалъ и самъ рисовать—по вечерамъ и праздникамъ, въ свободные отъ счета купоновъ часы. Ему было уже двадцать семь лѣтъ, когда онъ взялъ въ руки кисть, не имѣя никакого опыта, никакихъ готовыхъ рецептовъ, кромѣ яркихъ записей своей зрительной памяти. Ему не пришлось преодолѣвать академическую тину; наивно и смѣло искалъ своего пути среди моря искусства этотъ бывший пловецъ: онъ зналъ свою путеводную звѣзду—она мерцала на Югѣ...

Чѣмъ дальше, тѣмъ глубже проникала въ Гогэна сладкая отрава искусства. Въ началѣ 80-хъ годовъ онъ снимаетъ уже спеціальную мастерскую, а въ 81 году критикъ Гэйсмансъ уже отмѣчаетъ рядомъ съ Курбэ Гогэновскій этюдъ нагой женщины (на пятой выставкѣ импрессионистовъ). Наконецъ, Гогэнъ рѣшаетъ перестать быть диллетантовъ и всецѣло отдать свои дни искусству—вѣдь дни даны солнцемъ для живописи! И вотъ онъ бросаетъ доходное мѣсто въ банкѣ, гдѣ пробылъ одиннадцать лѣтъ, однимъ ударомъ разрушаетъ благополучіе жены и дѣтей. Затѣмъ все идетъ въ фатальномъ порядкѣ—нужда, переѣздъ всей семьи изъ Парижа въ дешевую Нормандію и, наконецъ, какъ послѣднее средство, бѣгство въ Копенгагенъ въ надеждѣ на протекцію родныхъ госпожи Гогэнъ. Но эта надежда обманула. Какъ и слѣдовало ожидать, свободный, безудержный темпераментъ Гогэна пришелся не ко двору въ строгой, размѣренной Даніи—онъ не понравился роднѣ. „Я тоже изучилъ Сѣверъ,—съ горечью говорилъ впоследствии Гогэнъ,—но то, что мнѣ понравилось тамъ больше всего, это—какъ разъ не моя теща, а дичь, которую она изумительно умѣла готовить“...

Наконецъ въ 1885 году, послѣ двѣнадцатилѣтней общей жизни супруги развѣхались: она осталась въ Копенгагенѣ съ дѣтьми, а

онъ вернулся въ Парижъ — въ объятія нищеты. Его единственнымъ заработкомъ стала расклейка афишъ по стѣнамъ парижскихъ домовъ, доставлявшая ему три франка въ день. Впослѣдствіи, вспоминая эти дни испытанія, онъ оставилъ въ своемъ манускриптѣ, посвященномъ любимой дочери, Алинѣ, слѣдующія слова: „Я знавала нищету, голодъ и все, что вытекаетъ изъ нихъ. Но все это — ничего или почти ничто: съ этимъ можно примириться. Но ужасно то, что это мѣшаетъ работать, развивать интеллектуальныя способности. Правда, страданіе обостряетъ талантъ, но когда его слишкомъ много — оно можетъ его убить. Однако, обладая большимъ честолюбіемъ, я кончилъ большой энергіей и захотѣлъ хотѣть“. И, дѣйствительно, этотъ большой ребенокъ умѣлъ хотѣть: несмотря на нужду, онъ успѣлъ приготовить къ выставкѣ 1886 года девятнадцать полотенъ...

Итакъ, жребій былъ брошенъ. Снова сталъ онъ одинокимъ пловцомъ — одинъ со своимъ искусствомъ.

II.

И опять ощутилъ онъ въ себѣ зовъ океана, по которому блуждалъ въ теченіе семи лѣтъ безъ думы о завтрашнемъ днѣ. Распродавъ все что могъ, онъ ѣдетъ въ 1887 году на Мартиникъ (Антильскіе острова). И здѣсь, послѣ каменно-сѣраго Парижа, снова охватываетъ его родная, экзотическая обстановка ранняго дѣтства — синяя густота южнаго неба, пламенное великолѣпіе экзотическихъ растеній, многоцвѣтная пестрота людей. Здѣсь, среди кофейныхъ полей, кокосовыхъ, бананновыхъ, и тамариновыхъ деревьевъ, окруженный креолами, индѣйцами, китайцами и черными неграми жилъ и работалъ онъ годъ — пока ядовитое дыханіе тропиковъ не заставило его полу-больного вернуться въ Парижъ. И снова настали мѣсяцы голодной жизни, во время которыхъ онъ изучалъ восточное искусство въ музеѣ Guimet и опять потянуло его прочь изъ города. На этотъ разъ онъ ѣдетъ въ Понтъ-Авенъ, живопи-

снѣй городокъ Бретани, куда любили съѣзжаться молодые французскіе художники. Гогэнъ сталъ душою этой художнической колоніи, которая впослѣдствіи получила названіе Понтъ-Авенской школы, школы Синтеза. Въ деревнѣ Пульду, ближе къ морю, мы застаемъ Гогэна также окруженнымъ молодежью — это былъ лучший годъ его жизни, годъ дружескаго общенія съ людьми, вѣры въ будущее и продуктивнаго труда. Здѣсь были Эмиль Бернаръ, Рансонъ, Серюзье, Боннаръ и другіе. Среди первобытной и величественной бретонской природы, съ ея памятниками ранне-христіанской скульптуры, и готическими церквами, передъ этой художественной артелью носилась гордая мысль о преемственности съ великими примитивами прошлаго. Гогэнъ былъ какъ бы мэтромъ этой новоявленной корпораціи, мечтавшей покорить Парижъ.

Единственнымъ чернымъ воспоминаніемъ этого года было пребываніе Гогэна вмѣстѣ съ Винцентомъ ванъ-Гогомъ въ Арль (Провансъ), куда онъ поѣхалъ для совмѣстной работы съ послѣднимъ. Казалось бы, сотрудничество этихъ двухъ крупнѣйшихъ талантовъ эпохи должно было дать блестящіе результаты, но на дѣлѣ идея совмѣстнаго творчества, съ которой ванъ-Гогъ носился со всей пылкостью своей натуры, потерпѣла полное крушеніе. Впослѣдствіи Гогэнъ самъ описалъ свою жизнь съ ванъ-Гогомъ и изъ этого описанія, далеко не чуждаго раздраженности, видно, что онъ и ванъ-Гогъ были полярностями духа. „Онъ весь — вулканъ, я тоже кипѣніе, но не во внѣ, а внутри, и борьба между нами была неизбежна“, — говоритъ Гогэнъ. И, дѣйствительно, ванъ-Гогъ былъ весь — мятежъ и надрывъ; душа Гогэна была дѣтски цѣльна и безтревожна. Мученикъ современности, переболѣвшій своей пламенной душой ея глубочайшія сомнѣнія и порывы, ванъ-Гогъ всю жизнь мечталъ о такомъ сильномъ человѣкѣ, какимъ былъ Гогэнъ, — вотъ почему онъ такъ упрашивалъ его пріѣхать въ Арль и работать вмѣстѣ. Но Гогэнъ не могъ понять „неистоваго и безалабернаго голландца“ (какъ онъ называлъ Ванъ-Гога), ибо онъ былъ выходцемъ далекаго прошлаго, здоровымъ и жизнерадостнымъ варваромъ. Гогэна раздражала въ ванъ-Гогѣ лихорадочность

его творчества, беспорядочность его палитры, сосѣдство Евангелія и Гонкуровъ на его столѣ. Что же касается ванъ-Гога, то „одной изъ причинъ его гнѣва было то, что при моей интеллигентности у меня былъ низкій, не развитой лобъ“, — говоритъ самъ Гогэнъ. Какъ характерна, какъ человѣчна эта причина гнѣва: ванъ-Гогъ хотѣлъ видѣть Гогэна болѣе гармоничнымъ, чѣмъ тотъ былъ въ дѣйствительности...

При обострявшейся душевной болѣзни ванъ-Гога, эта совмѣстная жизнь не могла не закончиться драмой.

Такъ оборвалось сотрудничество Гогэна съ ванъ-Гогомъ; идея художественной артели, созрѣвавшая въ Бретани, также не привела ни къ какимъ результатамъ — не нашлось мецената, который поддержалъ бы эту ассоціацію. Попрежнему нищимъ вернулся Гогэнъ въ 1889 году въ Парижъ; поселился въ дешевой гостиницѣ, работалъ у знакомаго въ мастерской, ходилъ зимой въ деревянныхъ sabots, вырѣзанныхъ имъ въ Бретани... Правда, теперь онъ уже былъ извѣстенъ и вращался среди избраннаго круга поэтовъ и художниковъ, но жизнь его была тяжела. И чрезъ два года онъ рѣшаетъ эмигрировать въ Океанію, на островъ Таити, чтобы тамъ найти убѣжище отъ жестокости европейскаго города, условности европейской культуры. Распродавъ съ аукціона свои работы, заручившись съ помощью Ари Ренана официальной рекомендаціей къ таитянскимъ колоніальнымъ властямъ, онъ покидаетъ Парижъ въ апрѣлѣ 1891 года.

Чрезвычайно характерно то участіе, которое приняло въ этой поѣздкѣ литературное и художественное общество Парижа. Со временъ Шатобріана, Бодлэра, Леконтъ де Лиля, мечта объ экзотикѣ, тоска по новой далекой странѣ не покидала душу французскихъ поэтовъ и живописцевъ: Пьеръ Лоти побывалъ на Таити, поэтъ Рембо отправился въ Африку...

Вотъ почему многіе какъ бы завидовали рѣшимости Гогэна. Въ честь его отъѣзда былъ устроенъ банкетъ, на которомъ присутствовали Каррьеръ, Жанъ Мореасъ, Шарль Морисъ, Стефанъ